
МИХАИЛ СИДОРОВ

**ЗАПИСКИ
НА КАРДИОГРАММАХ**

МИХАИЛ СИДОРОВ

ЗАПИСКИ НА КАРДИОГРАММАХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 34

Сидоров Михаил Валерьевич.

С 34 Записки на кардиограммах / Михаил Сидоров. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-17-123478-2

Двадцать пять лет на «Скорой». Двадцать семь тысяч больных. Без счёта родственников, окружающих и случайных прохожих, словом, людей с которых, в силу обстоятельств, слетело всё напускное — вполне хватит составить мнение о сегодняшнем социуме. Очень многие будут от него не в восторге, но прежде чем бросаться эпитетами, пусть прикинут сколько б они продержались на этой тяжёлой, грязной, абсолютно необходимой и абсолютно неблагодарной работе. Работая не за страх, а за совесть и зная при этом куда они шли!

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-17-123478-2

© Сидоров М.В., текст, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ПАТОЛОГИЧЕСКИМ, НО ОБРАТИМЫМ ПРОЦЕССАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Предупреждение!

Это не памфлет.

Это не пасквиль.

Не фельетон, не сатира, не прокламация.

Здесь нет жалоб, самолюбований и желания возвышаться.

Это — констатация фактов.

Голых, имевших место.

Так было.

Фактически — зеркало, чуть замутнённое спокойным презрением к мудакам.

Поэтому нефиг!

«Вы знали, куда вы шли!» и «Не нравится — увольняйтесь!» не катят.

Вняли?

Отлично!

Рассаживайтесь поудобней...

ЗАПИСКИ НА КАРДИОГРАММАХ

Часть первая ...В ЯСНОМ СОЗНАНИИ...

Эмоции, наблюдения, случайные мысли. Кардиограммы, в силу привычки, кладёшь в нагрудный карман и после вызова — не всегда, ясное дело, а так, время от времени, — царапнешь на обороте карандашом. Утром перепишешь, сотрёшь каракули с ЭКГ и сдашь, пришивив её к карте вызова.

Так год.

Два.

Десять.

Двенадцать.

А потом, оказывается, у тебя этого добра — завались!

*«Но ведь это правда, рейхсфюрер...»
Шелленберг — Гиммлеру. Первая серия*

Замглав по «Скорой».

Путает ИВЛ с ВВЛом¹.

Не видит разницы между клинической и биологической смертями.

Лезет в укладки, считает ампулы, сверяет со списком. Найдя заначки, рисует выговоры.

Заслуженный врач РФ.

На «Скорой» не работал ни дня.

Ей-богу, не вру!



Менты пьют. Зверски. А прокуроры — те ещё круче. Те, кто выживет, станут к старости каяться, раздирая перед людьми рубища... Впрочем, я, скорее всего, наивен.



¹ ИВЛ – искусственная, ВВЛ – вспомогательная вентиляция лёгких.

При просьбе лечь на спину, девять пациентов из десяти поворачиваются спиной вверх.



Вечерний звон.

Прорвало.

Весь стол в адресах.

И всем — срочно. Немедленно. Иначе Матвиенко, райздрав и горячая линия.

Час.

Второй.

Третий.

Диспетчер вдруг стекленеет, блуждая зрачками с телефона на телефон. Те надрываются.

Минуту.

Полторы.

Две.

Диспетчер начинает смеяться.

Ему откликаются.



Во время осмотра могут:

— рыгать;

— пердеть;

— ковырять: а) в носу, б) в зубах, в) в гениталиях;

— говорить по телефону;

— смотреть телевизор;

— курить.

Они дома, хули.

А когда в поликлинике — ну совершенно другие люди!



Отказ от госпитализации.

«О возможных последствиях предупреждён». Подпись.

Думаете, всё?

Полагается ездить, проверять состояние.

Себестоимость вызова — три косяря.

Ну?

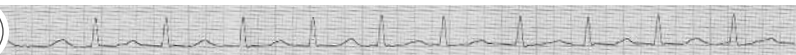
Шесть кусков.

Девять.

Двенадцать.

О-па! Созрел и хочет в больницу. Больницу при этом хочет получше.

Рассказывал коллегам в Европе — о...уевали.



Коммуникабельный журналист: В двух словах — как вам нацпроектковские «газели»?

Врач с большим стажем: У...бища.



Часто посреди ночи, прикоснувшись, участливо спросят: «Много вызовов сегодня?»

Хочется взять сочувствующего за лицо и отпихнуть, как Высоцкий Садальского.



Любимая фраза высшего руководства: на ваше место — в шляпах!

Одного как-то поправили: На *ваше!*

Что было...



Многие, в натуре, не знают:

- названий своих лекарств;
- собственного диагноза;
- профиля отделения, в котором лежали;
- номера больницы.

При этом говорят «не помню», «не разбираюсь» и «нам сказали».



Полковники невыносимы.

Снисходительное «ты» свысока.

Даже если одёргивать.

Даже когда чехлятся¹.

Холуи трёхзвёздочные.



Пришедший к доктору робок и подобострастен.

Вызвавший — развязен и хамоват.

Это в крови.

Поэтому лучше сразу, с порога, на них наорать.

Во избежание.



У *них* здесь корректировщик. С биноклем. На дереве. Настроился на частоты и слушает. Даёт отзвониться, даёт вернуться. Открыл дверь — даёт отмашку: звони!

¹ Чехлятся (жарг.) – умирают.

Вызов.
Туда же, в соседний дом.
И умело так, гад, маскируется.



Стало привычным: комната, пациент, юноша у компьютера.
Внимает рассеянно, просьбы выполняет, предварительно дочитав.
Увозим — спросит: «С тобой ехать?»
Понять можно: в блог же писать надо!
Про болезнь близких.



Сорок пять лет, юрист, два высших образования. В двадцатисекундной речи двенадцать раз использовала конструкцию «как бы».



Норма десятилетий — бригада на десять тысяч. Районы растут, вызова лежат на задержке.
Выход?
Изящный. Блистательный.
Одна на четырнадцать.



Четверо вместо восьми, и лавина звонков: утром сел — утром приехал.
А райздрав нынче праздновал что-то, так допоздна у кабака бригаду держали, на всякий случай.
А остальные три въ...ывали.



Не курить невозможно.
К нулю раскуриваются даже самые стойкие.
Потому как адреналин.
Нервы.
Оттого и язва у всех.
Голодные же всё время.



Коллега.
Спокоен и флегматичен — тридцать лет стажа, видел всё.
Непрошибаем.
Ан нет!
Оскорбили на вызове. Ничего особенного — пьяные люмпены, всё как обычно. Но молча вышел, надел перчатки, отыскал, благо недолго, кус мороженого говна и запустил в форточку.



Потом всю ночь пил коньяк.
Один.
Весь пузырь выдул.



Прислали кардиограф — российский.
Шедевр!
Перед тем как печатать, думает полминуты.
Вообразите:
Реанимация.
Цейтнот.
Ампулы рассыпью.
Кардиограмма ежеминутно.
И всякий раз: «ПОДОЖДИТЕ 40 СЕКУНД».
О...уеть, б...ды!
Отослали обратно — ломается, сука, часто.



Во ВСЕХ больницах Санкт-Петербурга на входе в приёмный — порожек. Поднимаешь передние колёса — ы-ы-ых! — коллега приподнимает задние: ту-дух, ту-дух! — закатили. Порожка нет только в морге Судмедэкспертизы где, по большому счёту, глубоко пох...й.



Подъём ночью на «упал с кровати, приезжайте поднять» вызывает смутную симпатию к Менгеле.

Прервусь ненадолго, пока гневным пальцем в грудь не упёрлись.

Вот, удосужьтесь-ка:

«Скорая медицинская помощь — вид помощи, оказываемой гражданам при состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства (несчастные случаи, травмы, отравления и заболевания, приводящие к резкому ухудшению здоровья, угрожающие жизни и требующие проведения экстренных лечебных мероприятий)».

О как, оказывается, изначально-то!

А вы говорите...

Так о чём это я?

А-а!

— Я лекарства не признаю — вы только ЭКГ сделайте, а уж я дальше сам...

Или:

— Мне любимый человек изменил — дайте успокоительное, а то я в окно выброшусь!

«Глубокий обморок, нету пульса»... м-да!

— Это мне папа вызвал.

А вот и он:

— Алё! Вы уже там? Посидите с ней, пока не подъеду. Я? В Нарве, границу прохожу — часа через два буду...

И до кучи:

Ни «доброй ночи», ни «проходите», ни табуретки присесть.

Об кровать хлоп и жёлтой ногой в лицо:

— Вот. Ступать больно.

Мозоль. Ороговелая, давнишняя.

— Ну, и?

— Что «ну» — срезайте! Давайте-давайте, я ветеран...



Так, спокойно!

Не надо набирать воздух.

Ветераны от лиц приравненных — ох, отличаются!

Манерой общения.



Ночь.

Вызов.

Через минуту повтор: скорей!

Подрываешься и летишь.

Диспетчер по радиации: быстрее — скандалят!

Вываливаешься из кабины, дверь вбок, одной рукой чемодан, другой кислород, на плече кардиограф, дефибриллятор, на другом сумка с реанимацией, папка в зубах, домофон чуть ли не носом: пи-и-и...

— КТО ТАМ?

Всё. Можно отнести кислород, дефибриллятор, сумку с реанимацией. Расставить неторопливо, подключить шланги. Позвонить снова и зевая войти.

Ничего там нет.

Проверено.

Годами.



Нельзя брать деньги, если их дают с помпой. А настаивают — тем более!

Номера купюр переписаны.

Список, как правило, под телефоном.

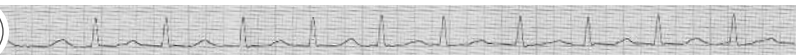
Тоже проверено.

Не однажды.



По коридору надо идти тихо и на пороге чуть задержаться.

Так, чтоб не видели.



И не слышали.

Бесхитрое большинство начинает стелать только при твоём появлении.



И не вставать перед дверью.

Могут пинком открыть.



И уж, конечно, никаких «входите — открыто».

Войдёшь, а там волкодав.

— Ой, простите, я про него забыла...



Умное лицо, в глазах разум. Кардиограмма, терапия, слово за слово...

— А вы можете, как в фильме «Жмурки», пулю из живота вытащить?

Озадачил.

— Знаете, если б всё было так просто, как у режиссёра Балабанова, мы бы не потеряли двадцать миллионов в последней войне.

— Нет, ну а всё-таки?



Везли с пожара.

Ожоги.

Большой процент.

Юный возраст.

Тормознули на перекрёстке — проезд кортежа.

Снеслись с ответственным, тот подтвердил: стойте!

Семнадцать минут ждали.



— Это какой корпус?

— Не знаю.

— Но вы ж из него только что вышли!

Куда ни приедь.



Номеров нет. Ни на домах, ни на квартирах.

Не пишут.

Но полагают, что мы — назубок.

И разбухают во гневе.



Порвал с корешем.

Тяжёлые сутки, переработка часа на три, ехал домой — мужик в трамвае засудорожил, в лифте сосед к жене попросил. Стянул кроссовки, упал поперёк кровати — звонок:

— Слу-у-ушай, ты мне нужен как доктор...

— Пошёл на х...й!

Обиделся насмерть.

Поймёт едва ли.



«Левел ап» — когда начинаешь просыпаться за минуту до вызова.

Сам.

Ночью.

Мистика!

Очевидное-невероятное.



Диспетчерá опытные.

— Нет такого дома по этой улице.

Взрыв.

— Да вы... Да я...

— Паспорт откройте.

Пауза.

— Ой, да...

Не часто, честно скажу. Но извиниться — это ещё реже.



Начал обычно: чем болеете... последнее обострение... что принимали?

А в спину сказали:

— Чё х...ню спрашиваешь — лечи давай!



Когда изобретут таблетку от «плохо», во врачах нужда отпадёт.

Совсем плохо — переломил об колено.

Чуть-чуть — поскрёб ложечкой.

И в рот.



— Дорогая моя, вам шестьдесят лет! Вы прожили такую долгую жизнь — неужели не найти слов, чтоб описать собственное состояние?

Не найти.

— Тупой какой-то... Ну плохо — что непонятного?



Принадлежность к прокуратуре объявляют ещё в прихожей.
И недоумевают, не встретив подобострастия.



Что странно — многим сочувствуешь.
Против воли порой.

Большинство негодует — каллиграфий, похоже, ждали, на бумаге на ароматной. Иные пеняют на негатив: толкует «жесть!» и жаждут приколов — неустово, ненасытно. А по мне, так забавно: отрешился, бесстрастный, и смотришь, как утврждаются — кто во что...

«Яд каплет сквозь его кору...»
Наше всё

В кафе — только ночью. Днём куражатся: жрёте, мол, а там люди мрут! Или, наоборот, уважухой задостают. Один вот недавно от полноты чувств предложил шаверму за ним доесть.



Исцелили, раскланялись, жена пошла провожать, а он вдруг из комнаты:
— НЕ ДАВАЙ ИМ НИЧЕГО!!!
Фельдшер — девочка из училища — аж расплакалась с непривычки.



Храм.
Пасха.
Эпилептик.
Судороги нон-стоп — глубокий статус.
Кончилась служба, пошёл народ. По нам, по больному, по батюшке... а тот, наивный, всё подождать их просил да помолиться во здравие.



Первая минута на «Скорой»: ржут над коллегой — капали ночью, приступ был. Тычут пальцами в ЭКГ, рыдая от хохота, мне же, обескураженному, говорят:
— И у тебя так будет. Лет через десять.
Хмыкнул гордо, а зря.
Как в воду глядели.



Градоначальник узнала об очередях в поликлиниках.
Грозил публичными казнями.
— Ух, ты! — сказали все. — Круто! Ну-ну.

Очереди исчезли.
Дня на два.



...и бесконечные тридцатилетние сучки с головными болями.



Допуск к наркотическим препаратам оформляют два месяца.
Как минимум.
Через полюса на собаках запрос везут.



А больницы теперь в честь христианских святых.
Хотя некоторым имена нацистских преступников подойдут.
Имени Кальтенбруннера, например.
И, скажем, Адольфа Эйхмана.
Варум нихт?



Впихнули в карман полтинник.
Как швейцару.
С такой, знаете, превосходцей: на тебе, братец, на сигареты!
А был с получки — достал тысячу, сунул меж пузом и трениками: а это вам, милейший, на погребение!
Пришла жалоба: такой-разэтакий и даже говном бросался...
Лишили премии на год.

[illegible]

И ни души на станции, как на грех.

А ночью, падла, телефон обрывал: три литра на харю, ум болит, язык ребром — инс-с-су-сульт у него. Г-гермо... гермор-р-рагический.



Госнаркоконтроль бдит.
Онкобольных обязали глотать сильнодействующие в присутствии «Скорой».
Приезжаем, смотрим, расписываемся: дескать, были, видели, правда.
Так и катаемся.